

АФАНАСИЙ ФЕТ

SIX LYRICS BY AFANASY FET¹

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубраила она.

Как гроздь винограда,
Ветвей концы висят,—
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Страхнут красу ветвей.

<1842>

(p.150²)

¹ Afanasy Fet (1820-1892) was one of Russia's most beloved lyric poets of the 19th century. His delicate, sometimes impressionistic, romantic poems were set to music in popular settings by composers such as Tchaikovsky and Rimsky-Korsakov.

² Page numbers refer to Афанасий Фет *Стихотворени*, Москва: Эксмо, 2010 [Afanasy Fet, *Poems*, Moscow: Eksmo Publisher, 2010].

Untitled

At my window pane
A somber birch tree
Is newly adorned
By the frost's whimsy.

It's like bunches of grapes
That hang from branch tips—
And the mournful shapes
Are a joy to contemplate.

I watch the daylight spread
To play along the branches;
But when birds alight I'm sad
When they shake adornments loose.

<1842>

Бу́ря на не́бе ве́чернем,
Моря́ серди́того шум—
Бу́ря на море́ и думы́,
Много́ мучи́тельных дум—
Бу́ря на море́ и думы́,
Хор возра́стающих дум—
Черная́ туча́ за тучей́,
Моря́ серди́того шум.

<1842>

(p.174)

Untitled

Storms in the evening skies,
The din of a sea gone mad
Storms on the sea and broodings,
Heavy the pain as I brood—
Storms on the sea and broodings,
Whose chorus broods and grows loud—
Black cloud rears from black cloud,
The din of a sea gone mad. (b)

<1842>

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат—слышит только соловей . . .
Да и тот не слышит,—песнь его громка;
Разве слышат только средце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо . . .

<1853>

(р.316)

Untitled

As people sleep, my dear, let's go to the shady garden.
As people sleep, only on us the stars are gazing.
But they can neither see us under the branching trees
Nor hear us—only the single nightingale hears . . .
But even he doesn't hear—his song's too loud;
The only things that hear are the heart and the hand:
The heart hears how much of earthly happiness
We have brought here as we silently rejoice;
And the hand, hearing this also, explains to the heart,
That something strangely flares and shivers in it
So that its fervent trembling extends involuntarily
Its shoulder toward another's shoulder . . . slightly . . .

<1853>

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огия иль песни—и не ждешь!
Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполлоса скрипят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный Путь.

<1854>

(p.251)

THE STEPPE AT EVENING

The roiling clouds were thrilling in the scarlet luster,
The evening fields were luxuriant and moist,
And for the last time, at the third pass the driver
Disappeared, the team raising no dust.

No habitations were seen in the broad view.
Hearth and song far off —no surprise!
All was steppe. More steppe. Boundless as the sea
With rolling waves of ripening rye.

Half of it hidden behind a lowering cloud
The moon did not show itself by day.
A bug took flight and angrily buzzed,
A harrier hawk floated motionless in the sky.

The fields were covered in nets of glinting gold,
Somewhere in the distance a quail called,
And from the dewy underbrush I heard
The hushed krik-krik of a corn crake sound.

At twilight tricks are played on the curious eye.
Coolness drifts through the warm evening air.
The moon is chaste. And the luster of stars in the sky
In the light of the Milky Way is like a river.

<1854>

ПЕРВЫ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает—
О чем—неясно ей самой,—
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

<1854>

(p.121)

The First Lily of the Valley

Oh see the first lily of the valley!
From under the snow it asks only for
The sun's beams; virgin luxury
In your fresh and fragrant pure odor!

Bright as the first ray of spring!
What dreams descend upon it!
How enchantingly you betoken
How wildly spring will soon erupt!

For this a maiden sighs her first sigh—
But why—to her it is not clear,—
This timid sigh is but the overflow
Of young life's sweetness and ardor.

<1854>

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном,
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

<1855>

(p.253)

Evening

It sounded above the clear river,
It rang out in the fading meadow,
It swept above the silent grove,
It lit up the opposite shore.

Into the distant twilight
The river wound to the west.
Clouds, losing their gold hems,
Drifted like billows of smoke.
From the hillock—first damp then hot—
Sighs spread through the night air,
But summer lightning glimmers
With bright blue-green fire.

<1855>